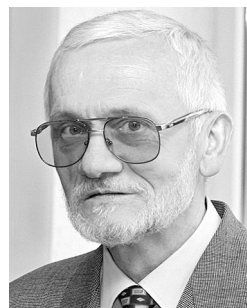

Иван

Чарота

доктор филологических наук, профессор

ФРАНЦИСК ГЕОРГИЙ СКОРИНА. НЕ ПРЯТАТЬСЯ ОТ ИСТИНЫ

К 500-летию белорусского и восточнославянского книгопечатания наша страна подготовилась достойно, с соответствующим пятивековому юбилею размахом, который обеспечивался разноплановой поддержкой властей на всех уровнях и сопровождался широким общественным резонансом. Так что есть серьезные основания гордиться многими запланированными и уже выполненными делами. Не увидели и не оценили этого разве что слепые или те, кому такое совсем не по душе.

Конечно, отмеченное вовсе не значит, что нам уже остается только триумфовать и как можно пафоснее вещать миру о своих исключительно значимых достижениях. Как всегда, при оценках результатов больше пользы от здорового скепсиса и самокритичного взгляда на сделанное. Особенно касается это состояния исследований жизни и деятельности главного виновника торжеств – Франциска (Георгия) Скорины. А здесь у нас, как ни старайся оценивать помягче, дела далеко не идеальные; да и перспективы тоже в тумане.

Чтобы отклонить обвинения в излишней придирчивости, сразу должен уточнить: хотя и не имею чести принадлежать непосредственно к корпорации профессиональных скориноведов, я область их исследований воспринимаю как одну из самых приоритетных и, соответственно, показательных для отечественной гуманитарной науки; поэтому ответственность за все пробелы и огрехи в этой научной сфере вовсе не склонен списывать только на узкий круг задействованных специалистов. Признаю, что определенная доля вины лежит на всех ученых-гуманитариях, на мне в том числе. Как раз это вынуждает всех нас теперь, когда получили историческую привилегию быть участниками пятивекового юбилея, максимально мобилизовать ради устранения очевидных изъянов имеющиеся силы и ресурсы, а прежде всего проявить традиционную для белорусов рассудительность и осмотрительность, которыми предусматривается и упомянутая выше самокритичность.

Как ни досадно, все же нельзя не признать, что в массивном корпусе нашего скориноведения закрепилось недопустимо большое количество приукрашенных вольной беллетризацией стереотипов, которые по своей природе противоречат элементарным научным принципам, однако почему-то стали для нас опорными и незаменимыми. Уже разве что одни представители самого старшего поколения скориноведов помнят, когда эта сфера обогащалась существенными научными результатами, когда вводились в оборот неизвестные ранее документальные материалы, когда на основании серьезных обсуждений закреплялись новые выверенные сведения, когда

вообще проходили плодотворные и действительно научные дискуссии... А средства массовой информации тем временем безоглядно распространяют фантастическо-приключенческие байки [1], якобы опирающиеся на «открытия» ученых, а на самом деле – псевдодискуссионные версии популяризаторов-любителей [2]. И это не случайно, потому что даже при освещении фактологической основы жизнеописания Скорины у нас, по давно установившейся привычке, чрезмерно частотными стали те модальные слова и выражения, которыми высказываются не более чем догадки и неаргументированные допущения: «возможно, вероятно, наверно, видимо скорее всего, надо полагать, можно допустить...». К большому сожалению, именно так мы привыкли освещать вопросы, требующие максимальной точности и выверенности. Еще меньше бесспорного, не подлежащего сомнению можно найти в тех выводах, которые зависят от подобным образом интерпретированной фактологии. Как правило, опять-таки по заведенному обычаю, они держатся разве что на отсылках к предшественникам, у которых найдено нечто созвучное: «соглашаясь с X.», «принимая убедительное рассуждение Y.», «по заслуживающему доверия мнению Z.», «как однозначно считал Q.»...

Доводится констатировать, что у нас до сих пор открытыми, окончательно не выясненными, а то и просто запутанными, остаются практически все главные вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Скорины: годы рождения и смерти, вероисповедание, настоящее (полученное при крещении) имя, ближайшее научное, творческое и деловое окружение, основные цели задуманных и осуществленных дел, круг профессиональных интересов и непосредственной практики, предназначение изданных книг, конкретное содержание и суть переводческой (или составительской) работы, язык изданий и собственного творчества, места проживания и перемещения, определяющие связи с отечественными и зарубежными деятелями своего времени и т. д. Опять же, не странно ли то обстоятельство, что «белое пятно» покрывает именно последние десятилетия (!) жизни восточнославянского первопечатника? По признаниям даже самих активных скориноведов, образовались большие «напластования фактических ошибок» [3], едва не целиком покрывшие реальную фактологию. Особенно дает о себе знать вот такая опасная тенденция: свои нынешние представления о состоянии общества, культуры, веры и духовности, письменности, языка, науки, Церкви и всего остального переносить на реальность полутысячелетней давности, перекраивая ту действительность в соответствии с лекалами нового времени, а при этом еще и вульгарно актуализируя. Примеры таких искажений даже перечислить невозможно. И все они обросли производными от нового времени стереотипами, которые обычно поддерживаются не менее стереотипными толкованиями, в том числе и категорически неприемлемыми для науки – то, что не соответствует нашему пониманию, считать ошибками давних хронистов, писарей, граверов и печатников... Само собой разумеется, что расходящиеся мнения современных оппонентов тоже априорно зачислять в разряд ошибочных.

Короче говоря, мы сами сделали проблематичным даже прочтение ряда важных для научного скориноведения документов, не говоря уже об их интерпретировании. Причем едва ли не все такого рода проблемы стали глубокомысленно подавать как трудноразрешимые либо нерешаемые в принципе. Чтобы должным образом осознавалась бесперспективность такого состояния, позволю себе вспомнить один чрезвычайно поучительный пример из личного опыта. Встретившись с коллегой, словацким профессором-математиком, которого давно не видел, я спросил о делах и услышал в ответ, что они идут неплохо – в частности, его студенты на престижной международной олимпиаде получили первую премию за решение своеобразной задачи... Я, естественно, поздравил коллегу. Но услышал уточнение, что его заслуга

по отношению к такому результату самая скромная: просто он своих студентов не предупреждал, что эту задачу решать не имеет смысла, поскольку считается общепринятым, что решить ее невозможно. Студенты же, не зная исходно о препятствии, преодолели его... А вот в нашем случае все делается наоборот. Почему-то нужно утверждать либо даже придумывать, будто бы имеем дело с нерешаемыми задачами, тогда как в действительности нам закрывают свет упомянутые выше стереотипы, нами самими широко распространенные и прочно уже закрепленные.

Как раз под их воздействием из публикации в публикацию переносятся одни и те же сведения, большинство из которых давно, если не от самых первых опытов белорусского скориноведения, требует уточнений, основательного корректирования. Хотя бы потому уже, что они не способны выдерживать проверки даже элементарной логикой. Так, невозможно не обращать внимания на самую что ни на есть очевидную алогичность в безапелляционно используемой современными скориноведами базовой (!) информации, которую обычно не пропускают школьники и студенты, задавая элементарные вопросы: «Почему же это знаменитого полочанина безо всяких объяснений и оговорок называют Франциском, если имя отца его – Лука, брата – Иван, сына – Симеон, племянника – Роман, родственников – Евхим и Савва, Васко и Еско...? Так получается же, что он не из семьи Скорин, не этого рода?!» Действительно, выходит, что Скорина вовсе не из того «дворыща, што в замьку Полацьком», что он никак не православный по крещению, ибо упомянутое «дворыще» находилось рядом с полоцким Софийским собором... И пока еще никто не доказал, что в Полоцке на момент рождения сына Луки были дополнительно такие храмы, в которых бы при крещении будущему восточнославянскому первопечатнику дали имя Франциск. Есть на этот счет лишь таинственные, однако не подкрепленные документальными сведениями версии-загадки, наподобие вот такой: «Отметим еще тот факт, что еще перед Великой Отечественной войной бернардинец Ян Кантак, который имел в своих руках многие отсутствующие сегодня документы, написал в своей солидной монографии, посвященной ордену бернардинцев, что одной из первых в Полоцке после прибытия туда из Вильна бернардинцев и основания ими костела в честь святого Франциска Ассизского и монастыря, “приняла католическое крещение семья Скорин”. Там же будущий первопечатник учился, наверно, латыни» [4].

То, что имя «Франциск» многократно использовалось самим Скориной в его изданиях, а также присутствует в официальных документах времени его жизни, нет ни оснований, ни потребности оспаривать. Однако следовало бы выяснить и убедительно обосновать, почему получилось так, а не иначе. Самим же по себе названным фактом никак не может отрицаться факт обязательного наличия крестного имени – причем, судя по всему, иного. Так из-за чего же это имя отобрано и в последнее время совсем игнорируется? По каким причинам его сейчас упоминать перестали, и даже само использование крестного имени стало подаваться как некий маркер либо дремучей неосведомленности, либо сумасбродного нежелания поддерживать курс «передовой науки», приоритеты которой обусловлены ориентацией на «европейскость»?

Примерно то же самое можно сказать об освещении роли православной среды в жизни нашего знаменитого земляка. И оно затушевано, мглой покрыто, почти полностью. Так, что реальных исторических фигур практически не видеть. В последнее время несравнимо большее внимание привлекается к деятелям «законодательной» во всем Европы – Иоганн Гутенберг, Леон Баттиста Альберти, Эразм Роттердамский, Николай Кузанский, Джованни Пико делла Мирандола, Марсилио Фичино, Швайпольт Фиоль, Филипп фон Хохенхайм (Парацельс), а еще Ян

Амицинус, Ганс Вейнрейх, Ян Гус, Ян Иснер, Ян Камп, Николай Коперник, Иероним Пражский, Примож Трубар, Эразм Вителлий, Андрей Волан, Станиславас Рапалионис... Что ж, и выход на эти личности для освещения общей панорамы вполне может быть нужным. Но разве не является приоритетным обстоятельство выяснение роли конкретных личностей из близкого окружения Скорины – тех, кто имел непосредственное отношение к его делам? Налицо все же определенная тенденция, которую нельзя не заметить. В частности, странно, почему энциклопедический справочник «Франциск Скорина и его время» (1988) не содержит даже упоминания о том – весьма существенном для реконструкции подробного жизнеописания первопечатника, – что «воевода троцкий, гетман наш, староста брянс(лавский) и вениц(кий) Князь Константин Иванович Острожский» присутствовал в числе тех, из кого состояла «панове рада» при положительном решении судом имущественного дела «о дом в месте Виленском и о иные речи». Как-никак, а в этом документе с редкой для скориноведческих материалов конкретностью засвидетельствовано, что там и тогда «доктор Францышко от жоны своее молвил и покладал ... выпис с книг права гайного...» [5]. Хотя при этом сам документ в соответствующем разделе справочника помещен, и даже статья о князе Острожском – правда, без упоминания о его непосредственной причастности к судьбе Скорины – тоже имеется [6]. А ведь о том, что конкретные дела этих личностей гипотетически пересекаются, писалось не однажды. В том числе предполагалось и такое: «Зато в изданиях Скорины, безусловно, был заинтересован Константин Острожский. Думается, что он мог существенно повлиять на решение белорусского первопечатника перенести свой станок из Праги в Вильно (годы возвышения Острожского и годы выхода “Малой подорожной книжки” совпадают)» [7].

Или возьмем, например, иную информацию, которая пока что не вызывала ни особых возражений, ни уточнений, и ее повторяют неизменно в качестве однозначной без надлежащего обоснования. Касается это дел Скорины как переводчика Библии. Многие из тех, кто затрагивал данный аспект, опять же безапелляционно и бездоказательно высказывают мнение, что Скорина перевел, а не только издал, все книги Ветхого Завета. Между тем, не лишне было бы рассудить или хотя бы как-то прикинуть, во-первых, сколько же времени требуется на такой перевод, а во-вторых, на какой период известной нам биографии Скорины это время должно было приходиться. Весьма кстати здесь еще дополнительно уточнить, что речь идет о переводе не лишь бы каких текстов, а Священного Писания! Чтобы хоть как-то приблизиться к пониманию сути вещей, сравним: подобную работу «семьдесят толковников» выполняли на протяжении III–II столетий до Р. Х.; Иеронимом Стридонским (неизвестно, одним ли) в IV–V вв. после Р. Х. латинский перевод Ветхого Завета осуществлялся около пятнадцати лет; современник Скорины Мартин Лютер (судя по всему, с помощниками) на немецкий язык переводил Ветхий Завет не менее десяти лет... А вот наш прославленный земляк смог выполнить такую исключительно сложную и объемную работу по библейскому переводу за поразительно краткий срок? Причем, помимо этого, как у нас обычно утверждается, он самолично успел написать внушительное количество предисловий и послесловий, плюс акафистов, к тому же сам сумел выполнить свой знаменитый портрет, многочисленные гравюры и многое-многое иное? Да все это, как у нас пишется, параллельно с учебой и самоотверженным «повышением научной квалификации» в нескольких сферах, а в придачу и с лекарской практикой, и с художественным творчеством, и с типографско-предпринимательскими делами? Собственно, невыверенность затронутой информации сочетается еще с одним вопросом, также очень запутанным: что послужило оригиналом для перевода

(какой письменный свод или печатное издание), то есть с какого конкретно языка и на какой переводил наш Скорина? Корректного ответа на него так и нет. Есть только произвольные, мифологизированные версии.

Для многих некорректностей, как правило, находятся оправдания. Частично понятные. Скажем, никуда теперь нам не спрятаться от того, что в свое время все подчинялось идеологии атеизма и определенные темы оказывались под запретом либо освещались в соответствии с воинственно безбожническими установками. Научные кадры, понятно, формировались и воспитывались под тем же влиянием. Однако директивно-генеральной идеологической линией советского периода объясняется далеко не все. Скажем, православность Скорины по происхождению и крещению признавалась как до Октябрьской революции (А. Викторовым, П. Владимировым, Е. Карским, М. Круповичем, А. Петрушевичем, А. Ярушевичем...), так и после Октября, вплоть до самой «перестройки» и наших дней (М. Горецким, А. Флоровским, В. Зайцевым, В. Чапко, М. Пращковичем, В. Аниченко, В. Дышинович, прот. М. Уляхиным, В. Агиевичем, прот. С. Гордуном...). Что же касается крестного имени Георгий (наравне с другим – Франциск), то оно было возвращено как раз в советское время, после Великой Отечественной войны, а в 1967 году специальным постановлением бюро Отделения общественных наук АН БССР даже «узаконено» [8]. Однако позднее, в годы «перестройки», его снова отняли. Не иначе, подействовала инерция притяжения к очередной «передовой» идеологии, у адептов ее выявляя наследственную склонность играть в авангард. Хорошо еще, что имя Георгий осталось-таки во многих произведениях художественной литературы и названиях произведений изобразительного искусства. А впоследствии придется со стыдом вспоминать, как совсем недавно безо всяких оснований его заменили даже в особо значимом напоминании – подписи на памятнике (авторства А. Глебова) в Полоцке, родном для Скорины. И где же на этот раз мнение ученых? Правды ради нужно отметить, что не все из них с таким отношением к имени соглашались. Как жестокую несправедливость эту труднообъяснимую тенденцию воспринял, например, В. В. Агиевич, один из самых преданных скориноведению исследователей конца XX – начала XXI столетий. Он пытался, где только мог, противостоять этому; упорно искал союзников и, в частности, обращался за помощью к Митрополиту Филарету с официальным письмом [9]. А главным средством поиска и объяснения истины для Владимира Владимировича были собственные статьи и книги, которые он, упорный полемист, неизменно посвящал самым заметным противоречиям в сфере скориноведения [10]. Его публикации всегда содержали скрупулезный разбор запутанных моментов, а также подробное обоснование возможностей снять вопросы, которые бесосновательно заносятся в разряд спорных либо совсем нерешаемых. В связи с конкретным предметом нашего разговора особого внимания заслуживает книга В. Агиевича «Имя и дело Скорины: В чьих руках наследие». Да поскольку высказанное в ней сущностно расходилось со многими взглядами, которые стали доминировать в позициях подавляющего большинства скориноведов, то оно не принималось и до сих пор не принимается. А на наш взгляд, сейчас весьма полезно было бы вернуть работы В. Агиевича в активный научный оборот и прочитать их внимательно, без предубеждения. Конечно же, с надлежащей критичностью.

Стоит отметить, хотя бы мимоходом, что вовсе не случайно было нами упомянуто обращение В. В. Агиевича к Православной Церкви, позиция которой по многим вопросам, касающимся Скорины, научной средой должна, по меньшей мере, приниматься к сведению. А не обходиться только возражениями «лукавыми», рассчитанными на современное секуляризованное сознание: мол, Скорина своей деятельностью засвидетельствовал толерантность ко всем конфессиям, а

вот Русская Православная Церковь отнеслась враждебно к его изданиям, поэтому сейчас привязывать его к традиции этой Церкви – неправильно... Если руководствоваться такой логикой, то так же неправильно привязывать его ко всем духовно-культурным традициям рода и народа, в том числе к коренной (бело)русскости, к славянскости... И в этом случае мало что меняют оговорки, будто бы так делается ради предосторожности, распространяя одинаковый подход на все конфессии, ибо каждая из них может «тянуть одеяло на себя». Вообще, может. Однако не должна – Бога боясь. А вот конкретные предпосылки и обстоятельства издания религиозных книг без учета доминирующей религии, как определяющего фактора, рассмотреть просто нельзя. Исходно, по определению, не представляется возможным. Так же, как температуру больного человека невозможно измерить без медицинского термометра. Разве что при глубокомысленном допущении, что развитие человеческого организма уместно воспринимать в категориях, применимых к амебе. Но тогда ниже гроша цена такому восприятию и разумению... Думается, пришла пора выработать объективный взгляд на Скорину, преодолевая как советское безбожничество, так и постсоветскую псевдотолерантную секулярность, не принимая на веру стереотипы, какую бы степень распространенности ни имели они. И, разумеется, пришло время не бояться пополнить новое издание упомянутого энциклопедического справочника многоаспектной статьей «Религия» или «Вероисповедание», отсутствие каковой очень уж бросается в глаза.

Понятно, все новации должны тоже как следует взвешиваться, выверяться, сопровождаться научными дискуссиями с надлежащей аргументацией. Особенно тогда, когда они представляются неожиданными. А в современном белорусском скориноведении таковыми считать можно едва ли не все мнения, противоречащие введенным в оборот ранее.

* * *

Именно на такой, действительно неожиданный для наших скориноведческих представлений материал мне хотелось бы обратить внимание, и как раз для этого пришлось предварительно излагать свой взгляд на состояние наших общих знаний о Скорине.

В 2014 году на празднование Дня белорусской письменности и печати к нам приехал русин из Молдовы – Иванов Юрий Васильевич. Меня с ним познакомили еще накануне праздника, перед круглым столом зарубежных писателей. И на протяжении трех дней, совместно проведенных в Минске и Заславле, я ходил буквально ошеломленный тем, что услышал от этого человека: дескать, ему в наследство достались уникальные толковинские (?) рукописи, которые содержат надежные сведения о пребывании на землях нынешней Молдовы нашего земляка – книгопечатника Юрги (!) Скорины Полоцкого... Искренне признаюсь, услышанному я тогда не поверил. Правда, учитывая то, что в рассказах моего нового знакомого как объекты внимания, помимо Скорины, фигурировали также преподобная Евфросиния, игуменья Полоцкая и Всеслав (Чародей), князь Полоцкий, я решил познакомить нашего гостя с епископом Вениамином, который на тот момент был Председателем издательского совета Белорусской Православной Церкви и викарием Минской епархии, принимал активное участие в такого рода мероприятиях и присутствовал на празднике в Заславле. Представляя Ю. В. Иванова, я вкратце пересказал основное содержание его сенсационной информации. Судя по всему, владыку она тоже весьма заинтересовала. Но, как нетрудно было заметить, у досточтимого епископа также не складывалось ощущение, что все это правда. У меня его тоже определенно не было. Естественно, услышанное о Скорине я все время старался связывать

соотносить с тем, что знал прежде. Да ничего связного не получалось – новые сведения так и оставались в пространстве невероятного. А сомнения нагромождались чем дальше, тем больше. В частности, сильно смущало то, что личностями, предопределявшими судьбу Скорины, согласно рассказам Ю. В. Иванова, оказывались представители рода сербских властителей Бранковичей. Дело в том, что основателю этого рода, Вуку Бранковичу, сербский народный эпос приписывает предательство в печально знаменитой Косовской битве и такой обесславленный образ проносит через столетия. Собственно, историографические подтверждения измены отсутствуют; к тому же позднее из этого рода вышли святые, канонизированные Церковью личности. При всем этом, как сказал поэт, но все же, все же, все же... Между тем, целых три дня обсуждая сомнительные моменты в сюжетах пока что фата-морганических для меня рукописей, я все-таки сблизился с коллегой-русином. И в конце концов мы обменялись адресами, договорившись вместе поработать над материалами, владельцем которых он является.

Юрий Васильевич оказался довольно активным корреспондентом: присылал свои опубликованные и подготовленные к печати статьи по истории рода и родного края, заметки о толковинской мифологии. Благодаря им, в дополнение к услышанному устно, я получил возможность составить хоть какие-то представления о толковинстве, ранее совершенно не известном. Принял к сведению, что это славянская духовно-культурная традиция, зародившаяся в глуби веков и продолжавшаяся вплоть до середины XX столетия; правда, в последнее время под воздействием разных обстоятельств стала замкнутой, почти тайной. А сейчас она исчезает, ибо на данный момент Ю. В. Иванов является фактически единственным в какой-то степени осведомленным ее носителем. Разумеется, это мне подбрасывало дополнительные сомнения: такое вот странное стечение обстоятельств и условий, когда все сошлось клином на личности моего нового знакомого... Однако вместе с Юрием Васильевичем я искренне сожалел, что конкретная сущность и историческое значение толковинства как явления остаются неисследованными, совсем не изученными. В частности, только из публикаций Ю. В. Иванова можно узнать, что оно сыграло исключительно важную роль в жизни русинов Молдавии, поддерживая соответствующее русинским традициям просвещение, сохраняя сознание о славянской общности и единстве, в том числе выразительно фиксируя и «белорусский вектор». Определенные сведения о толковинстве действительно впечатляли. Проверять их научную корректность и обоснованность я не имел времени, поэтому принял на веру, что толковины упоминаются еще славным летописцем Нестором и анонимным автором «Слова о полку Игореве», что в этимологии самого этого именованья присутствуют, вероятнее всего, значения рус(ин)ских слов «толк» и «толока» (= место собраний, вече)...

Потом наше сотрудничество прервала моя болезнь, серьезная операция и продолжительная реабилитация. Из-за этого мы с Юрием Васильевичем не встретились во время его второго приезда в Минск. Но как только я вернулся в рабочую колею, сразу же предложил молдавскому коллеге сосредоточиться на «толковинской Скориниане» – объективно требовалось, чтобы он дал вводные, общеознакомительные сведения о тех рукописях, которые достались ему в наследство; для нашей совместной работы нужны были копии хотя бы самых важных страниц и соответствующие выписки; а поскольку их язык вряд ли понятен современному читателю, то по крайней мере выписки должны быть переведены на современный русский. ... Довольно быстро Ю. Иванов это выполнил и прислал требуемое. Так у меня оказались копии трех страниц рукописи и перевод двух фрагментов размещенного на них текста. Вот я и начал, как мог, осмысливать полученный матери-

ал, а главное – преодолевать недоверие, все еще присутствовавшее. Объективное оно или субъективное, это, надеюсь, выяснится позднее, с участием коллективного разума. А пока свою скромную задачу вижу в том, чтобы ознакомить читателей с конкретными результатами осуществленного сотрудничества.

Прежде всего процитируем «историческо-источниковедческую» справку:

«Эти тексты с частью семейного архива достались мне наследственно в 1981 году от моего деда по отцовской линии, жителя села Нагораны Ришканского района Молдавской ССР Иванова Василия Константиновича (1906–1980). В свою очередь, к В. К. Иванову архив перешел как наследство в начале 30-х годов прошлого столетия от его отца, Иванова Константина Тимофеевича (1881–1933) и деда по материнской линии Ротаря Якова Дмитриевича (1851–1930), жителей села Нагораны Бельцкого уезда Бессарабской губернии. Архив являлся родовым, принадлежал великим толковинам Молдавии, накапливаясь на протяжении многих лет и столетий. Я. Д. Ротарь и К. Т. Иванов были последними великими толковинами Молдавской земли» [11].

А теперь постараемся рассмотреть присланные копии:

Копия 1. Это передняя сторона листа. Здесь из нескольких изображений скомпонована целая картина. Главными являются профильные фигуры двух мужчин на одинаковых или похожих креслах; они сидят лицами друг к другу, под условным рисунком солнца.

Слева, с короной на голове – Великий Толковин; справа, в шапке с пером, – Скорина. Именно это засвидетельствовано надписями над их головами: «*Великий Толковин Твердобой*» и «*Юрга Скорина Палацкий*». Между названными двумя фигурами нарисована стопка книг (нельзя определить, печатные они или рукописные) на невысокой подставке. Кстати, в смысле написанного нужно еще разбираться. Перевод Ю. Иванову пока удалось сделать только приблизительный. Но текст, помещенный в рамке под рисунками, имеет примерно вот такое содержание:

«И были Великие Гоны Великого Ра-Тата на Великую Капу в четырнадцать тысяч пятьсот двадцатом году Великих Даров. И прибыл в Великие Расконы Нагораны к Великому Толковину Твердобой от господаря Великой Земли Молдавской и Сучавского и Сиретского края Петруча Штэхвана (-ова?), весьма умелый и опытный мастер по печатанию добрых книг Юрга Скорина Палацкий».

Ю. В. Иванов пояснил, что названная здесь дата («в четырнадцать тысяч пятьсот двадцатом году Великих Даров») – по толковинскому летоисчислению, что соответствует 1542 году от Рождества Христова.

Имеется еще надпись в рамке снизу: «*Великая Земля Великого Ра-Отца Горнего*».

Копия 2. Обратная сторона того же листа. В рамке написано: «*Великая Чира Синявая – гоны нашего Великого Ра-Отца на Капа Великая, блестящая и яркая*».

А вот текст основной, имеющий для нас особую важность, поскольку в нем повторяется имя Скорины и, помимо этого, конкретно указывается причина его нахождения на землях молдавских:

«И был Юрга Скорина Палацкий в Великой Сучаве и Земле Молдавской, поскольку пригласила его из Праги Чешской добрая властительница Молдавская Елена Сербская – любимая жена великого властителя господаря Петра Стефановича. Ибо дала она себе зарок (обет), что напечатает красивые и яркие писания о своих великих предках: Иоанне Бранковиче – великом властителе и господаре Сербском, о его великих родителях – Стефане Бранковиче, великом властителе и господаре Сербском, и его святой жене, великой властительнице Ангелине Сербской, и о всем ее властительском роде (Бранковичей), который

унизили и (на который) возвели великий поклеп (ложь), несправедливость и обиду проклятыя и безумные турки».

У нашего с Юрием Васильевичем сотрудничества получилось довольно неожиданное продолжение: в феврале 2017 года он приехал на писательский форум в рамках Минской книжной ярмарки-выставки и привез оригиналы тех текстов, о которых мне рассказывал и писал. Таким образом, я получил возможность их в своих руках поддержать да своими глазами увидеть. В любом случае, могу засвидетельствовать, что это рукопись, выполненная черным и цветными грифелями на бумаге, которая выглядит старой, но давность ее происхождения без специального анализа определить непросто; водяные знаки не обнаруживаются... Да как бы ни было, поскольку хоть что-то удалось эмпирически уяснить самому, то появлялось уже моральное право делиться с другими если не опытом, так впечатлениями от загадочных рукописей. Что я и сделал трижды в мае (на конференциях в Щучине и Минске). После этого, когда «наполнилась слухами земля», многие знакомые стали звонить и при встречах расспрашивать о «сенсационной находке». А мне, понятно, хочется накопить как можно больше доказательств ее подлинности.

Жанр данной публикации не позволяет основательно рассмотреть все выявленное, а тем более развернуто прокомментировать его. Поэтому позволим себе пока что ограничиться выдержками из электронных писем обладателя таких необычных материалов после посещения им г. Минска в феврале прошлого года:

«Успел покопаться в архиве и нашел, на данный момент, еще три документа. Один – продолжение разговора Скорины с Молдавской княгиней Еленой Сербиянкой. Кстати, в нем говорится о победе сербов на Косовом поле благодаря мужеству самого Вука Бранковича и стойкости его воинов. Второй – о прибытии Скорины в 1520 (!) году в столицу Молдавского княжества. Третий – о спешном бегстве Юрги Луки Франтишка Скорины Полоцкого из Праги в Молдавию в 1550 году (...)».

А еще и такое:

«Нашел сведения о смерти Скорины в сказании (пока еще не перевел); если соотносить с календарем от Р[ождества] Х[ристова], произошло это 22 сентября 1572 года в нынешних Рышканах; приблизительно место захоронения я знаю, соответственно документу и тому, что успел в конце [19] 70-х показать мой дед. Между прочим, тогда там был прямоугольный камень-стол с надписями и знаком Скорины – месяц, который закрывает солнце».

Последнее из тех писем Юрия Васильевича как бы подводило итоги его поисков и содержало следующее:

«Имеется шесть листов толковинской летописи о пребывании и деятельности Скорины в Молдавском княжестве в 1520, 1542 и 1550 годах. На данный момент мной выявлены также восемь листов толковинского сказания “Путешествия Великого Юрги Полацкого по Великой Земле Трояна”. В них говорится о деятельности Скорины в Молдавии после 1550 года и до 22 сентября 1572 года, когда он умер. А еще у меня есть несколько десятков листов копий, в свое время мной снятых с оригиналов, которые, по утверждениям моих сродников, были напечатаны Скориной в Молдавии (...) Они хотя и не оригиналы, но все же образцы печатнической работы Скорины в молдавский период. Не отысканы мной до сих пор: 1. Свидетельства толковинских летописей о встрече Скорины с Иваном Федоровым, восточнорусским первопечатником, в средневековых Расконах, незадолго до смерти Скорины. 2. Толковинское сказание о путешествии Скорины на Восток, на Святую Землю, в Персию и в Индию! В начале 1980-х годов я их держал в своих руках».

* * *

Разумеется, такая информация, вместе взятая – будто снег на голову в привычно теплые июнь либо июль. Поэтому нужно было, по крайней мере, уравновесить свои представления относительно общих «метеорологических условий». В связи с этим к месту все же вспомнить если не об аналогичном, то имеющем близкую направленность. А такое было известно и ранее – только почему-то, вроде, не замечено и надлежащим образом не учтено. Значит, есть необходимость также другим напомнить. Себе же это нужно для исходной предосторожности, коль ест сомнения, что материалы, о которых мы ведем речь, по природе своей не являются мистификацией типа «краледворской рукописи» чешских родолюбов и не «расонским идолом», выдуманном хитроватыми белорусами ... Так или иначе, есть смысл обратиться к давно известному.

Пятьдесят лет тому назад А. В. Флоровский, высокоавторитетный исследователь распространения наследия Скорины, поделился своими размышлениями вот какого содержания: «... Теперь перед исследователями Скорины встала новая неожиданная задача – осмыслить и исследовать новую находку, которая является пока что загадкой. Дело в том, что в 1960 и 1962 гг. ученым стали доступны новые, весьма краткие записи о Скорине, в которых он называется “secretaries regis Dacie” или “Daciae” (...) Необходимо заметить, что мне еще в 1937 г. было известно это обозначение Скорины как секретаря короля “Дакии” (“Daciae”, варианта “Dacie” я не знал). Но мне тогда было неловко публиковать этот акт. Я ждал, когда его напечатает та особа, которая его первоначально выявила. Дело в том, что как-то осенью 1937 г. профессор Этторе Ло Гатто показал мне в профессорском читальном зале Карлова университета в Праге рукопись небольшой статьи, которую ему предложили напечатать в журнале “L’Europa Orientale”. Профессор спросил тогда у меня, известны ли в печати приведенные в этой статье падуанские акты. Среди текстов, с которыми мне здесь же довелось бегло ознакомиться, находился ранее незнакомый текст с обозначением (того), что сейчас нас интересует. Я считал, что в ближайшее время акт этот будет напечатан, поэтому ни в одной из своих работ о Скорине 1938–1946 гг. не делал ссылок на этот интересный документ, ибо считал, что приоритет нашедшего материал должен быть сохранен. Акт этот, однако, настолько привлек мое внимание, что я тогда же предпринял меры, чтобы навести предварительные справки для себя лично и осмыслить исключительно интересную находку» [12].

Находка действительно была чрезвычайно интересной и не могла оставаться без внимания ученого, а исходно складывавшееся объяснение сути ее посредством связи с «Дакией» являлось наиболее логичным. Да, к сожалению, и эта версия, и ее носители, как и здравствовавший редактор выходившего в Италии славистического журнала, которому предлагалось напечатать такой чрезвычайно интересный материал, из поля внимания как будто исчезли. На процитированное выше свидетельство А. В. Флоровского реакция наших скориноведов не последовало – так или иначе, их не найти ни в посвященном Скорине энциклопедическом справочнике, ни в иных скориноведческих изданиях Беларуси. А вот в эмигрантской печати интерес к этому вопросу, определенно требовавшему научного освещения, все-таки проявлялся. Собственно, даже историю привлечшего нас вопроса в его дихотомичности – и «датском», и «молдаво-румынском» планах – можно проследить по материалам опубликованной в конце 1980-х годов переписки Антона Флоровского с Витовтом Тумашем [13]. Оказывается, что тень «датского короля» вызвана именно г. Тумашем, который в письме от 25.01.1966 сам сообщал: «Текст новонайденной падуанской актовой записи (обнаруженной еще в 1960 году во время поисков “скоринианы” в Падуе, которые были проведены по моей просьбе

г. Я. Садовским) с подробным рассмотрением текста и комментариями подготовлены также к печати...» [14].

А. В. Флоровский, со своей стороны, изложив то, что цитировалось нами выше, и упомянув о своих попытках выяснить суть дела, сообщил: «На мои запросы профессор Панаитеску в Букареште ответил, что в румынских документах нет ничего о Скорине, и что могла бы идти речь о князе Н. Бессарабе, хотя он никогда не называл себя “rex”. С другой стороны, Гос. Архив в Копенгагене сообщил мне, что в датских актах 1507–1512 гг. нет никаких указаний о Скорине» [15]. При всем этом пожалуй, не только из вежливости Флоровский отмечал значимость новой версии: «Тем ценнее Ваше открытие, что Скорина был секретарем короля Ганса и что он учился в Копенгагене. С нетерпением жду издания этого текста, который так интересно расширяет наши сведения о Скорине» [16]. А спустя некоторое время посетовал: «Ваше письмо от 25.1.1966 своевременно получил и с нетерпением и самым живым интересом жду оттиска Вашей статьи о Скорине. Но до сегодняшнего дня Ваша статья до меня не дошла!! Кстати, Вы в первом же письме ко мне писали, что Скорина изучал медицину (очевидно, до Падуи) в Дании (*выделено автором* – И. Ч.). В каком именно университете? Откуда Вы имеете эти сведения? И, может быть, можно было бы навести дополнительно справку в архиве в Копенгагене, возможно, что там сохранились списки студентов начала XVI века» [17].

Как и должно было произойти, Флоровский не ограничился рекомендациями, а начал свое собственное разбирательство – обратился к ректору Копенгагенского университета с просьбой поискать списки студентов соответствующего периода. И вновь получил отрицательный ответ... Но в поисках надежных сведений он придерживался все-таки других ориентиров: «У меня все же в голове вертится, что надо бы подумать о возможности связей Скорины и еще с Молдавией и Валахией...» [18]. И свои доводы пражский профессор повторял не менее настойчиво, чем вежливо. Впрочем, В. Тумаша, если судить по одному из его писем, тоже одолевали сомнения: «Что касается возможности связать Скорину с Молдавией и Валахией – лет пять тому думал я, не поискать ли следов Скорины и на землях старой римской “Дации”. Потом эту мысль отбросил из-за нескольких соображений, а главное потому, что если бы в “римской Дации” Скорина пребывал перед своим приездом в Падую в 1512 году, то невозможно тогда выяснить, где, в каком университете изучал он в это время медицину, ибо же университетов ни в Молдавии, ни в Валахии, кажется, не было. Из-за этого, мне казалось, такое направление поисков – слепой тор, хотя, конечно же, в жизнеописании такого решительного, подвижного человека, как Скорина, могут быть и вещи, на наш взгляд, и совсем “нелогичные»» [19]. Собственно, здесь в качестве главного контраргумента присутствует не что иное, как субъективное опасение самого г. Тумаша разрушить привычную схему и, соответственно, категорическое нежелание этого. Упомянутые же колебания склоняют его в последующем письме делиться плодами своих произвольных фантазий: «1512 год, когда в Падуе докторировался “секретарь короля Дации” в Италии – апогей Ренессанса с увлечением античной культурой, историей, терминологией. Тогда и папу римского часто называли не “Наместником Христа”, а “Pontifex Maximus”. При такой моде на античность и Дация (в падуанской актовом записи, возможно, обычная ренессансная метафора, под которой может быть скрыта любая страна, расположенная где-то приблизительно в стороне старой римской Дации, независимо от того, в действительности ли ее тогда так официально называли, или нет. В числе их могла быть и Венгрия, а даже и Чехия. Поскольку же королем Венгрии был тогда Владислав Ягайлович, может это он и назван “королем Дации”? Это вело бы нас к той самой “Золотой Праге“, где Скорина был дважды и позднее (...)» [20].

В. Тумаш, конечно же, не мог не осознавать, что подобная логика напрямую вела к выводу, что такой страной, находящейся «где-то приблизительно в стороне», с одинаковым результатом можно было назвать и саму Польшу вместе с ВКЛ. Тем не менее, он продолжал стоять на своем: «...Если бы даже и все поиски следов Скорины в Дании оказались негативными, Дания останется и далее Скориновой Дацией до тех пор, пока кто-то конкретно, на доводах, не покажет, о какой иной “Дации“ здесь может идти речь» [21].

К сожалению, так и получилось. Потому, что «конкретно, на доводах» никто из белорусских скориноведов даже не брался показывать-доказывать, что эта версия шита поспешно схваченными нитками. За редкими исключениями, среди которых – многоопытный в обращении с документами А. И. Мальдис, осторожно писавший о Скорине, что тот «исполнял ответственную должность секретаря датского короля (или валахского князя)» [22].

Что же касается материалов Ю. В. Иванова, то по отношению к ним все признаки именно «дакийской версии» не просто упоминаются, но и вполне сносно увязываются в некую целостность: Дакия (лац. *Dacia*) – провинция, присоединенная Трояном к Римской империи в начале II столетия н. э.; границы ее, предопределявшиеся Прутом, Тиссой, Днестром, Дунаем и Карпатами, охватывали значительную часть современных Румынии и Молдовы, включая и северо-западную часть, пограничную с Румынией, где находятся Рышканы, а также часть Сербии... Хотя и непросто, но концы все-таки сходятся.

Кстати, с XIII–XIV веков на территории нынешних Румынии и Молдавии значительную часть населения составляли сербы, что вовсе не является новостью, а в сербской историографии общеизвестно с времен Дж. Бранковича и И. Раича. Да и в современном академическом словаре топонимов Румынии указывается два с половиной десятка населенных пунктов, имеющих в названии основу «*Sirbi*» [23]. Об этом, например, убедительно говорит современный сербский социолог профессор З. Милошевич [24]. А он ссылается на исследователя начала XX века, Илие Барбулеску, которого аттестует как «румына». Так вот, названный им ученый в свое время писал о том, что валахская и молдавская знать роднилась со знатью сербской начиная с короля Сербии Стефана Милутина, который был женат на валашке. А об интересующем нас времени в конкретном аспекте сообщает, что на протяжении XVI века (сведения относятся к 1558 году) из Западной Малороссии (...) присылали юношей в Молдавию «учиться сербскому церковному пению» и, конечно же, сербскому литературному языку. В то время и в Валахии, и в Молдавии, и в Эрделе (Трансильвании) язык назывался славянским или сербским [25]. Подобного рода сведения можно почерпнуть также, например, из монографии Л. Церовича [26].

Ну а для белорусов не менее убедительными должны быть те косвенные подтверждения той же историографической позиции, которые содержит одна из публикаций полуторавековой давности, посвященных весьма влиятельному в ВКЛ роду Деспот Зеновичей Братошинских, сербского происхождения. А в ней на вопрос, «почему Зеновичи называются Деспотами Братошинскими (из *Братошина*)», дан следующий ответ: «Братошина нет ни в Литве, ни на Руси, между тем как в Молдавии (здесь и далее в цитате подчеркивание наше. – И. Ч.) встречаем не раз такие названия, как Ботушани, Ботошаны, Братушани, даже и фамилию Братушины.

Между тем, по гербовникам (Каялович, Яблоновский, Окольский), предок Зеновичей был братом молдавского воеводы и вместе с ним правил. Во время же нашествия Тамерлана на Бессарабию (1395) он бежал в Литву, где и остался. Отсюда является вероятное предположение, не был ли предок Зеновичей деспотом в Братушанах, во второй половине XIV столетия» [27].

Кстати, связи между Сербией и Молдавией (а также Западной Русью) в XV веке показательны иллюстрируются географическими координатами жизни и деятельности Григория Цамблака – того, которого князь Витовт поставил на митрополичью кафедру в Новоградке и которому принадлежит заметная роль в истории Православия нескольких современных народов. Не претендуя на охват всей географии жития его, обозначим лишь точки, непосредственно связанные с нашим вопросом: Сучава («Молдовлахийская церковь») – монастырь Дечаны (Сербия) – Киев/Новоградок (Юго-Западная Русь). К тому же существует версия, что Цамблак и закончил свой земной путь в одном из молдавско-валахийских монастырей.

Нельзя не учитывать и еще одно обстоятельство, которое может служить дополнительным подтверждением «молдавско-валахийской версии»: Валахия и Молдавия в XVI веке реально были для сербов территорией, где продолжалось, получив развитие, их книгоиздательство, что является общеизвестным. И отнюдь не случайно Я. Л. Немировский указывает – хотя и без твердой уверенности – на связь Скорины с деятельностью подвизавшегося там известного сербского печатника Макария. Правда, в этом издании помещаются статьи о двух Макариях, один из которых определяется как первопечатник румынский, а другой – как черногорский [28]. Но это обусловлено, пожалуй, недосмотром и автора, и редакторов издания, поскольку во втором материале имя написано с явными ошибками, в обоих случаях годы жизни указываются как неизвестные, что не совсем так, а содержание двух помещенных рядом статей само по себе сопрягается. При всем этом для нас принципиально значимо суждение, которое высказано Я. Л. Немировским по отношению к Макарию «румынскому» в связи с вопросом о «секретаре короля Дакии»: «Возможно, в этом случае идет речь о какой-то влиятельной личности Валахии или Молдавии. Если это действительно так, можно считать, что С(корина) усвоил типографскую технику в типографии Макария» [29]. Со своей стороны, подчеркнем, что в обеих статьях упоминается Джурдже Црноевич, а в нами цитированной еще и род Бранковичей, которые фигурируют в текстах, принадлежащих Ю. В. Иванову. Так что у нас появляются вполне определенные основания внимательнее отнестись к сербско/черногорско-молдавскому аспекту. Тем более, что на вероятность связи издательских дел Скорины с Макарием и еще одним сербом – Божидаром Вуковичем, а также с «территорией современных Румынии и Молдовы» указывает и Александр Наумов – славист международной известности, профессор Краковского и Венецианского университетов, на данный момент, пожалуй, самый авторитетный скориновед Польши [30].

Отбирая из доступных источников сведения, касающиеся иеромонаха Макария и потенциально соотносимые с издательскими делами Скорины, особо следует выделить следующее: благодаря этому сербскому первопечатнику в цетиньской типографии Джурджа Црноевича вышли книги «Октоих первогласник», «Октоих пятогласник», «Псалтырь с последованием» и «Требник»; причем осуществлено это в 1493–1495 годах, т. е. за два десятилетия до скорининских изданий; известно также, что после 1499 года Макарий покинул Зету/Черногорию и переехал в Валахию, где продолжил заниматься книгопечатанием [31]. Кстати, упомянутый выше И. Барбулеску видит судьбу сербского первопечатника вот в каком контексте: «В начале XVI века Михна воевода, который митрополита серба Максима послал с дипломатической миссией к королю угорскому Жигмунду, судя по всему, позвал с Цетинья и серба Макария, для печатания церковных книг, а тот, как оказывается, достиг позднее достоинства митрополита страны» [32]. А в связи с этим трудно обойти и такой примечательный факт: один из авторитетнейших историков СПЦ указывает, что монах Макарий занимался печатанием богослужебных книг в Сучаве, а не в Черногории, как это традиционно считалось.

жебных книг конкретно «для Румынской и Болгарской Церквей», а также, что он «позднее стал и митрополитом румынским» [33].

Поиски дают возможность уточнить кое-что и относительно Бранковичей. Так, в обстоятельном исследовании, посвященном истории этого рода, подтверждаются сведения о пребывании Ангелины, вдовы деспота Стефана Бранковича, с сыном Максимом (Джураджем) в Валахии, под покровительством воеводы Йована Радула IV «Великого» [34]. Более того, в составленных А. Ивичем, а также М. Спремичем родословах как представительница одной из ветвей рода указывается и Елена, при имени которой указывается (как ее супруг) Петр IV Рареш, господарь молдавский на протяжении 1527–1538 и 1541–1547 годов [35], который, кстати, в 1542 году посылал в Москву своих послов с целью заключения союза. Короче говоря, для дальнейшего исследования затронутого нами вопроса определенно имеются немалые возможности.

Однако недоверие к материалам Ю. В. Иванова, о которых мы повели речь, все равно может сохраняться. Чтобы развеять его, остается разве что найти аргументированный ответ на нехитрый вопрос: «А какая же польза могла быть кому-то в современной Молдавии от присвоения нашего Георгия (Франциска) Скорины?»

Ну а если пытаться обобщить все, о чем у нас шел разговор, то само собой припоминается мудрое высказывание: «Мы живем во время, когда Истина уже не спрятана от людей. Но теперь люди от нее прячутся».

Поэтому в завершение хотелось бы предложить: давайте от Истины не прячаться!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Трефилов С. Неожиданный Скорина: агент ВКЛ, дипломат и заключенный // Комсомольская правда в Беларуси. 04.08.2017. С. 7; Pravoslavni Martin Luter // Newsweek. Beograd: Adria Media Group, 2. februar 2017. Режим доступа: <http://www.newsweek.rs/kultura/81139-francisk-skarina-martin-luter-belorusije.html> Дата доступа: 23.10.2017.
2. Андрэявец Р. Жыццё Францыска Скарыны. Гомель, 2004.
3. См.: Францыск Скарына: Зборнік матэрыялаў і дакументаў / Прадм., укл., камент., паказ. В. І. Дарашкевіча. Мінск, 1988. С. 39.
4. Завальнюк У. Родная мова ў духоўным жыцці Беларусі. Мінск, 2008. С. 74. (Судя по всему, хотя цитатная ссылка отсутствует, имеется в виду следующая публикация: Kantak K. Bernardyni Polscy. Lwow, 1933).
5. Чит. по: Францыск Скарына: Зборнік матэрыялаў і дакументаў... С. 91–92.
6. Францыск Скарына і яго час. Энцыклапедычны даведнік / Рэд кал. Шамякін І.П. і інш. Мінск, 1988. С. 567–568, 251.
7. Мальдзіс А. І. Францыск Скарына як прыхільнік збліжэння і ўзаемаразумення людзей і народаў. Мінск, 1988. С. 6.
8. Кстати, в сборнике «450 год беларускага кнігадрукавання» (Мінск: АН БССР, 1968) имя это используется фактически в каждом материале – например, на с. 0, 6, 9, 40, 70, 179, 195, 213, 229, 245, 248, 305, 359, 373, 387, 412, 429; а признанный медиовист Беларуси А. Ф. Коршунов употребляет его в подчеркнуто общерусском варианте: «Георгій Лукіч Скарына» (с. 248).
9. Скопия обращения сохраняется в личном архиве автора данной публикации.
10. См., напр.: Агіевіч У. У. Сімволіка гравюры Скарыны. Мінск: Бел. навука, 1999; Агіевіч У. У. Імя і справа Скарыны: У чьіх руках спадчына. Мінск: Бел. навука, 2002; Агіевіч У. Праблемы скарыназнаўства і імя Скарыны // Навіны Беларускай Акадэміі, 23–30.11.1992; Агіевіч У. У. Якое было імя ў Скарыны? // Przegląd prawosławny. 1992, № 11(89) S. 17–18; Агіевіч У. У. Хто такі быў Скарына? // Голас часу (Лондан). 1993. № 27(6). С. 2–10; Невядомы Скарына ці неўсвядомлены?: [новы погляд на спадчыну першадрукара?] // Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 1995, № 4. С. 23–31; Астрономы Скарыны: альфа і амега жыцця зямнога / У. Агіевіч // Роднае слова. 2001. № 9. С. 78–82; Агіевіч В. Скорина неизвестный ... или непонятный // Нёман. 2003. № 4. С. 110–143; № 5. С. 133–149; Агіевіч У. У. Стан сучаснага скарыназнаўства і актуальныя праблемы засваення спадчыны асветніка // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2008. № 3. С. 4–14; Агіевіч У. У. Еці і фаліянт // Літаратура і мастацтва. 20.01.2012. С. 7; Агіевіч У. Выданні Скарыны і календар // ЛіМ. 2013. 27 верасня. С. 12; Агіевіч У. Калі адзначаць 500-годзе выдання Скарынавай Бібліі // Веды. 22.07.2013. С. 6.

11. Здесь и далее нами приводятся тексты личной переписки и копии материалов архива Ю. В. Иванова. – И. Ч.
12. Флароўскі А. В. Scoriniana // 450 год беларускага кнігадрукавання / Рэдкалегія: К. К. Атраховіч і інш. Мінск, 1968. С. 428–430.
13. Скарыніяна ў ліставанні. Лісты 1965–1968 г. Антона В. Флароўскага й Вітаўта Тумаша // Запісы. Беларускі інстытут навукі і мастацтва / Zapisy. Byelorussian Institute of Arts and Sciences. 18. New York, 1988. С. 26–82.
14. Скарыніяна ў ліставанні... С. 46.
15. Там же. С. 28.
16. Там же.
17. Там же. С. 47.
18. Там же. С. 52.
19. Там же. С. 54.
20. Там же. С. 58.
21. Там же. С. 57.
22. Мальдзіс А. І. Францыск Скарына як прыхільнік збліжэння... С. 6.
23. Indicatorul localităților din România. – București, 19?????/ S. 232
24. См.: Милошевић З. Српско питање и Румунија (Или зашто је праведно да Србија и Русија имају заједничку границу) // Румунија и румунизација Срба / Приредіо Зоран Милошевић. – Шабац: Центар Академске речи, 2018. С. 15–41.
25. См.: Барбулеску И. Румуни према Србима и Бугарима, нарочито с погледом на питање македонских Румуна. Београд, 1908. С. 89–119.
26. Церовић Љ. Срби у Молдавији. Београд, 1998.
27. Пташицкий С. Л. Деспоты Зеновичи в конце XVI и начале XVII веков // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 127.
28. Неміроўскі Я. Л. Макарыў (Macarie); Неміроўскі Я. Л. Макарыў (Макарије) // Францыск Скарына і яго час. Энциклапедычны даведнік. Мінск, 1988. С. 401–402.
29. Там же. С. 401.
30. См.: Сквозь века и расстояния // Беларусь сегодня, 26.08.2017 – <https://www.sb.by/articles/skvozveka-i-rasstoynaniya.htm>; гл. таксама: Naumow A. Czy język jest konfesyjny? – uwagi przy przekładaniu Francizska Skoryny // Roczniki Humanistyczne KUL XLIII (1995). Z. 7. S. 27–35; Naumow A. Doktor Francizsek Skoryna z Połocka jako cerkiewnosłowiański hymnograf // Naumow A. Wiara I historia. Krakow, 1966. S. 81–96; Franciszek Skoryna z Połocka. Życie i pisma / Wybór tekstów, przekład i opracowanie: Mariola Walczak-Mikołajczakowa i Aleksander Naumow. Gniezno, 2007. S. 27.
31. См.: Мала энцыклапедыја Прасвета. Чвёрто издање. Кнь. 2. Београд, 1986. С. 552; Leksikon pisaca Jugoslavije. Knj. IV. Novi Sad, 1999. S. 37–39; Слијепчевић Ђ. Историја Српске православне цркве. Кнь.1. Београд, 2002, С. 287; Грујић Р. Православна Српска црква. Београд-Крагујевац, 1995. С. 83; Јовановић Н. Лексикон 1000 личности у убеницима историје. Београд, 2004. С. 236.
32. Барбулеску И. Румуни према Србима и Бугарима... С. 110.
33. Грујић Радослав М. Православна Српска Црква. Београд, 1921; Репринт: Београд-Крагујевац, 1995. С. 83.
34. Ивић Алекса. Историја Срба у Војводини од најстаријих времена до оснивања Потиско-Поморишке границе 1703. Нови Сад, 1929; Спремић М. Династија Бранковић // Даница. Српски народни илустровани календар за годину 2002 / Уред. М. Матицки и Н. Милошевић-Ђорђевић. Београд, 2001. С. 127–128.
35. Там же. С. 134–135.

Иван Алексеевич Чарота родился в 1952 году в д. Лыщики Кобринского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Доктор филологических наук, профессор, академик Сербской академии наук и искусств, лауреат премии Президента Республики Беларусь «За духовное возрождение». Автор свыше 450 научных и литературно-критических публикаций, а также около 1000 переводов на белорусский, русский и сербский языки (в том числе более 40 книг). Живет в Минске.

